

Дирижер приложил руку к хору

КОММЕНТАР. - 2005 - 22 ЯНВАРЯ - С. 8

фестиваль музыка

В Светлановском зале Московского международного дома музыки «Немецким реквиемом» открылся фестиваль музыки Иоганнеса Брамса. Комментирует ВАРВАРА ТУРОВА.

Брамсовский фестиваль продолжает линию монофестивалей, начатую Домом музыки в прошлом сезоне (фестиваль «Моцартиана»). Еще в начале сезона руководство ММДМ пообещало эту задумку не оставлять и фестивали одного имени устраивать каждый сезон. Состоящий из семи концертов, фестиваль Брамса построен будто наугад — в его программе отсутствуют хиты композитора, в частности Скрипичный концерт, Первый фортепианный

концерт, Четвертая симфония и многое другое. Впрочем, будут для меломанов и лакомые кусочки — например, вечер секстетов композитора с чудесным скрипачом Михаилом Овруцким, вокальный вечер с участием мариинской дивы Екатерины Семенчук.

На открытии фестиваля Большой симфонический оркестр и хор Академии хорового искусства с Владимиром Федосеевым представили публике «Немецкий реквием» Брамса. На московской сцене «Реквием» редкость, но по иронии судьбы последний раз он исполнялся в этом же зале почти год назад — в феврале 2004-го, а за пультом стоял немец Томас Зандерлинг. Версия Владимира Федосеева заставила задуматься о том, не поручить ли

дирижирование «Лютеранского как часто называют опус) реквиема» исключительно самим лютеранам. Федосеевская, истинно православная истовость, размах, крупный штрих были в данном случае необъяснимы и не нужны. В основном неуместная широта русской души проявлялась в работе хора, то и дело принимавшегося чуть ли не горланить текст Библии.

С другой стороны, моменты, когда хор откровенно вопил, возможно, были лучшими — во всех остальных местах питомцы Виктора Попова лениво мямлили что-то неразборчивое. Но ладно бы эта загадочная душа была бы единственным недостатком, куда серьезнее и заметнее были проблемы с высокими партиями и в женской, и

в мужской группе. Все верхи брамсовской партитуры звучали вымученно, зажато, а порой и откровенно фальшиво.

Некоторые надежды возлагались на относительно новые вокальные имена — сопрано Майю Дашук и баритона Бенно Шоллума. Но солирующие певцы оказались идеально соответствующими всему, что их в этот вечер окружало. Больше того, они, казалось, распределили между собой недостатки: госпожа Дашук пела так тихо и невнятно, что приходилось прислушиваться изо всех сил, чтобы удостовериться в том, что певица в самом деле издает звуки. А ее коллега, господин Шоллум из Австрии, напротив, пел преувеличенно открытым, довольно резким звуком. Но если даже аб-

страгироваться от звуковых тонкостей, то чисто стилистически баритон выглядел неубедительно. Поясню: тут ведь не только в факте «Реквиема» дело. Именно «Немецкий реквием» Иоганнеса Брамса часто называют самым мрачным и тяжелым из всех произведений, написанных в этом нелегком жанре. Все дело в том, что сам автор не отличался особой верой, что и убедительно продемонстрировал — в сочинении нет ни одной части о Воскресении и Спасении. Все эти факты ничуть не смутили певца — он вел себя на сцене так, будто в нотах на пюпитре не мрачная оратория, а венские вальсы. За всеми этими обидными недостатками было уже совершенно не слышать вполне аккуратной работы оркестра.

Хотя в темповом смысле решения Владимира Федосеева были далеко небесспорны. Достаточно послушать практически любую запись «Реквиема», чтобы убедиться — больше часа он звучит крайне редко. Но худруку БСО удалось растянуть опус на полные полтора. Конечно, дело не в темпе — ведь логично и естественно может звучать любая скорость извлечения звуков. Дело в оправданности того или иного темпа, а вот с этим как раз и наблюдались проблемы. Немудрено, что хор задыхался или вопил — попробуйте-ка петь очень медленно и при этом очень тихо. Или очень быстро и одновременно очень высоко — в любом случае начнете задыхаться. И тут уж будет не до библейских текстов.